

УДК 821.161.1-3

«ТЕКСТ-ПРОДОЛЖЕНИЕ» «МЕРТВЫЕ ДУШИ, ТОМ 2»
Ю. А. АВАКЯНА: СТИЛИЗАЦИЯ ПО СОХРАНИВШИМСЯ
ФРАГМЕНТАМ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА

А. Ю. Кудина

Тверской государственной университет
кафедра истории и теории литературы

В данной статье на материале поэмы «Мертвые души, том 2» Ю. А. Авакяна рассмотрена проблема «текстов-продолжений», которые получили широкое распространение в эпоху постмодернизма и для которых характерны игра, ирония и принцип деконструкции. Исходный текст, сохранившиеся фрагменты второго тома поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя, и вторичный текст, поэма «Мертвые души, том 2» Ю. А. Авакяна, исследуются с позиций теории интертекстуальности, предложенной Ж. Женеттом, и теории «вторичных текстов» М. В. Вербицкой.

Ключевые слова: теория интертекста, вторичный текст, «текст-продолжение», стилизация.

Вторичные тексты являются объектом изучения многих филологических дисциплин, рассматривающих этот феномен с различных точек зрения. Данная проблема неразрывно связана с теорией интертекстуальности, которая берет свои истоки в трудах М. М. Бахтина о первичных и вторичных речевых жанрах. Идея ученого о том, что «вторичные (сложные) речевые жанры» включают в себя множество трансформированных «первичных (простых) речевых жанров» («Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [1, с. 239]), получила развитие в работах постструктуралистов, связанных с теорией интертекста.

Н. Пьеге-Гро рассматривает интертекстуальность как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты). Таким образом, интертекстуальность – это общее понятие, охватывающее такие различные формы, как пародия, плагиат, перезапись, коллаж и т. д.» [6, с. 48].

Говоря об интертекстуальности, Пьеге-Гро называет конкретные виды вторичных текстов, среди которых, однако, отсутствует «текст-продолжение». Ю. В. Флягина в своей диссертации «Литературное продолжение как предмет лингвопоэтического исследования» рассматривает «продолжение» как «законченное литературное произведение, имеющее все формальные признаки своего жанра, которое создается писателем как вторая (третья и т. д.) часть оригинального произведения другого писателя с использованием действующих лиц оригинального произведения, места и времени действия и с учетом всего опыта этих действующих лиц, то есть всех обстоятельств и событий оригинала и их последствий для пер-

сонажа. Таким образом, продолжение является лишь разновидностью того, что в западной традиции получило название “sequel”» [9, с. 3].

Определение, данное Флягиной, на наш взгляд, является не совсем точным, поскольку проанализированные нами «тексты-продолжения» не всегда заимствуют жанр оригинального произведения. Так, Б. Акунин в «тексте-продолжении» А. П. Чехова «Чайка» осуществляет эксперимент с жанрами: возвращается от новой драмы (со свойственной ей идеей ансамблевости [8]) к классической (с одним главным персонажем), выводя на первый план фигуру Дорна, выполняющего функции сыщика. В «тексте-продолжении» «Та самая Татьяна» А. и С. Литвиновых не заимствуется даже форма: авторы уходят от стихотворного способа изложения, а также от жанра, обозначенного А. С. Пушкиным как «роман в стихах», трансформируя его в жанр классического детектива, написанного в прозе.

На наш взгляд, «текст-продолжение» – это вторичный текст, являющийся продолжением исходного текста, который стал прецедентным для культуры в целом и известным большинству ее носителей. Важной особенностью «текста-продолжения» является смена автора. «Текст-продолжение» может иметь свойства и других вторичных текстов: в нем может, как в стилизации, имитироваться стиль автора исходного текста; также он может быть построен на основе литературной игры, представляя различные варианты завершения оригинального произведения, и др.

«Мертвые души, том 2» Ю. А. Авакяна является продолжением поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», причем продолжением, воссозданным на основе оригинальных глав и из фрагментов утерянного второго тома поэмы. Авакян подчеркивает, что текст, написанный им в 1994 году, неразрывно связан с оригинальным, указывает в качестве соавтора Н. В. Гоголя и выносит его имя в заглавие своего произведения: «Мертвые души. Том второй, написанный Николаем Васильевичем Гоголем, им же сожженный, вновь воссозданный Юрием Арамовичем Авакяном и включающий полный текст глав, счастливо избежавших пламени» [5].

Если обратиться к данному «тексту-продолжению» с позиций теории интертекстуальности Ж. Женетта, в нем можно найти все типы межтекстовых связей, указанные исследователем в труде «Палимпсесты» [10].

Женетт создал классификацию межтекстовых связей и выделил пять типов транстекстуальности: интертекстуальность как присутствие одного текста в другом (цитата, аллюзия и т. п.); паратекстуальность (связь текста со своим паратекстом: предисловия, предуведомления, иллюстрации и т. п.); метатекстуальность (связь комментария и комментируемого им текста); архитектурность (связь текста с типом дискурса (жанра), которому он принадлежит); гипертекстуальность, «транстекстуальность *par excellence*» (данные отношения связывают текст с предшествующим ему текстом и отличаются от отношений текста-комментария с комментируемым им текстом) [6, с. 54–55].

Уже в самом начале второго тома «Мертвых душ» Авакян вводит паратекст – обращение к читателю, в котором сообщает об обстоятельствах появления данного текста, а также о цели, которую преследует автор: «...перед нами стояла необыкновенно сложная задача – воссоздать текст второго тома “Мертвых душ”, бережно сохраняя и стиль, и язык автора бессмертного произведения; максимально используя фрагменты оригинального текста, те, что сохранило для нас Провидение и опираясь, сколько возможно, на воспоминания друзей Николая Васильевича Гоголя» [5].

Внутри паратекста имеются указания на то, что автор при написании продолжения «Мертвых душ» использовал воспоминания друзей, а также другие до-

ступные ему источники, что, по классификации Женетта, представляет собой мета-текстуальные межтекстовые связи.

Архитекстуальность проявляется в заимствовании Авакяном жанра оригинального произведения. Н. В. Гоголь выбирает поэму в качестве авторского жанрового определения для «Мертвых душ». Следуя за автором оригинального текста, Авакян написанный им «текст-продолжение» обозначает как «поэму». И это не случайно: в «тексте-продолжении» Авакян пытается следовать общему тону повествования, заданному Гоголем. После публикации «Мертвых душ» Гоголь работал над «Учебной книгой словесности для русского юношества» (ок. 1844–1846 гг.), в которой пишет о том, что повесть можно считать поэмой при определенных условиях: «...Повесть <...> может быть совершенно поэтической и получает название поэмы, если происшествие, случившиеся само по себе, имеет что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выражение отдаленностью времени, в которое оно случилось; или же сам поэт взял его с той поэтической стороны, с какой может взять только поэт» [4, с. 408]. Авакян сохраняет образ автора-повествователя: в новых главах присутствуют обширные лирические отступления, являющиеся одной из наиболее ярких особенностей оригинального текста.

Интертекстуальность как присутствие одного текста в другом лежит в основе «текста-продолжения», написанного Авакяном. Автор не только заимствует обстоятельства, пространство и время, персонажей из оригинального текста, пытается воссоздать логику их развития, но и включает в свой текст очень объемный массив текста, написанного не им, а Гоголем. В продолжение «Мертвых душ» включены первая, третья главы и фрагменты второй, четвертой и заключительной глав второго тома «Мертвых душ» Гоголя. Таким образом, включение глав оригинального текста в «текст-продолжение» является примером прямого цитирования. Стоит отметить, что все дальнейшее «дописывание» Авакяном является «воссозданием» утраченного текста, с попыткой сохранения авторского стиля Гоголя.

М. В. Вербицкая ввела в научный обиход термин *вторичный текст* применительно к имитационным текстам, к которым она относит пародию, стилизацию, перифраз. В своей диссертации она рассматривает пять параметров, по которым различаются вторичные тексты: предмет, объект изображения, на который направлена авторская идейно-эмоциональная оценка; характер этой идейно-эмоциональной оценки; отношение к используемой образно-стилистической системе, к прото-слову; творческий замысел автора вторичного текста, причины использования «чужого стиля»; просодия [2, с. 9]. На их основе исследователь выделяет три основные разновидности вторичного текста: пародию, перифраз и стилизацию.

В соответствии с критериями, предложенными Вербицкой, второй том «Мертвых душ» Ю. А. Авакяна следует считать стилизацией, так как данный «текст-продолжение» ориентирован на воспроизведение «чужого стиля» как основного предмета изображения. Авакян создает новый текст таким образом, что границы между оригинальным текстом Гоголя и новым текстом становятся практически незаметны: включение первых четырех глав и дописывание утраченных в них фрагментов происходит вполне органично, без нарушения повествовательной линии автора прецедентного текста.

Более свободно Авакян распоряжается сохранившимся оригинальным текстом в заключительной главе. С одной стороны, это происходит потому, что утрачены достаточно большие фрагменты поэмы Гоголя. С другой стороны, Авакян выстраивает повествование в соответствии со своей сюжетной линией и «пере-

краивает» текст Гоголя. Например, «Одна из последних глав» второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя дошла до нас в двух редакциях. В позднейшей редакции [3, с. 5–126] в начале главы имеется лирическое отступление, начинающееся со слов: «Все на свете обдeldывает свои дела» [Там же, с. 112], за которым следует сцена с покупкой Чичиковым сукна на ярмарке:

«– Есть сукна брусничных цветов с искрой? – спросил Чичиков.

– Отличные сукна, – сказал купец, приподнимая одной рукой картуз, а другой указывая на лавку.

Чичиков взoшел в лавку. Ловко приподнял <купец> доску стола и очутился на другой стороне его, спиной к товарам, вознесенным от низу до потолка, штука на штучке, и – лицом к покупателю. Опершись ловко обеими руками и слегка покачиваясь на них всем корпусом, произнес:

– Каких сукон пожелаете?

– С искрой оливковых или бутылочных, приближающих<ся>, так сказать, к бруснике, – сказал Чичиков» [Там же, с. 114].

После покупки сукна Чичиков встречает Федора Федоровича Леницына.

В более ранней редакции [Там же, с. 127–259] лирическое отступление отсутствует, а глава начинается с разговора Чичикова с Алексеем Ивановичем Леницыным о завещании со слов: «В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, торговался с заезжим контрабандистом-купцом <...> вошел его превосходительство Алексей Иванович Леницын» [Там же, с. 234], после которого представлен эпизод с выбором сукна на «ярманке в городе Тьфуславле»:

«Чичиков вошел в лавку.

– Покажите-ка мне, любезнейший, суконца.

Благоприятный купец тотчас приподнял вверх открывающуюся доску стола и, сделавши таким образом себе проход, очутился в лавке, спиной к товару и лицом к покупателю. Ставши спиной к товарам и лицом к покупателю, купец, с обнаженной головою и шляпой на отлете, еще раз приветствовал Чичикова. Потом надел шляпу и, приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

– Какого рода сукон-с, английских мануфактур или отечественной фабрикации предпочитаете?

– Отечественной фабрикации, – сказал Чичиков, – но только именно лучшего сорта, который называется аглицким,

– Каких цветов пожелаете иметь? – спросил купец, все так<же> приятно колеблясь на двух упершихся руках.

– Цветов темных, оливковых или бутылочных с искрою, приближающихся, так сказать, к бруснике, – сказал Чичиков» [Там же, с. 238].

В тексте Авакяна происходит контаминация двух редакций заключительной главы, предложенных Н. В. Гоголем: в «тексте–продолжении» начало главы совпадает с началом главы позднейшей редакции прецедентного текста, после приводится эпизод из ранней редакции:

«Всё на свете обдeldывает свои дела. <...>

В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом-купцом <...> вошёл его превосходительство Фёдор Фёдорович Леницын» [5].

Далее следует разговор о наследстве, причем собеседник Чичикова назван не Алексеем Ивановичем, а Федором Федоровичем Леницыным (так Гоголь назвал

Леницына в позднейшей редакции). После разговора представлена сцена с выбором сукна, являющаяся цитатой из ранней редакции второго тома поэмы.

Наличие двух редакций сохранившихся фрагментов второго тома «Мертвых душ» Гоголя позволяет Авакяну использовать особую технику письма. Н. В. Семёнова в своей монографии, затрагивая проблему анаморфоза, в качестве примера приводит роман Мишеля Бютора «6810000 л воды ежесекундно», в котором анаморфозом выступает текст из «Аталы» Шатобриана. М. Бютор в интервью определил принцип новой техники письма следующим образом: «Я вынужден просить некоторым образом (Шатобриана. – Н. С.) <...> разрешения использовать его текст, но не как цитату, а как первичный материал. К счастью для меня, имеются две версии этого описания. Это текст, который имеет две формы, это текст, который, как следствие, имеет уже игру в себе самом» [7, с. 170].

Именно такой способ письма мы наблюдаем в приведенном нами примере, что позволяет считать «Мертвые души, том 2» Авакяна постмодернистским текстом, в основе которого лежат принцип деконструкции и постмодернистская игра.

Благодаря двум сохранившимся редакциям и возможности их комбинирования Авакян пытается наиболее точно, насколько это возможно, следовать стилю прецедентного текста. Необходимо также отметить, что многие исследователи в качестве основной стилевой доминанты «Мертвых душ» называют описательность, которая вызвана тем, что Гоголь ставил своей задачей нарисовать, по его словам, «образ много». В «тексте-продолжении» описательность является достаточно сильной стилевой доминантой: автор пытается погрузиться в описываемую историческую эпоху, так же, как Гоголь, изображает не только отдельные лица и их судьбы, но в многообразных лирических отступлениях занят рассуждениями об исторической судьбе России, национальном характере, особенностях культурно-бытового уклада.

Пятым видом межтекстовых связей Женетт называет гипертекстуальность, или «транстекстуальность *par excellence*». Под гипертекстуальностью Женетт понимает всякое отношение, которое связывает текст с предшествующим ему текстом, производным от которого он становится. В «Палимпсестах» Женетт предлагает классифицировать различные гипертекстовые феномены в соответствии с выделенными им критериями: характером связи, которой могут быть, как в нашем примере, имитация гипотекста, а также с ее модальностью [10, с. 55].

Таким образом, можно сделать вывод, что в «тексте-продолжении» «Мертвые души, том 2» присутствуют все виды межтекстовых связей, предложенных Ж. Женеттом, которые при этом подчинены общей авторской задаче создания стилизации. Все типы межтекстовых связей, имеющихся во вторичном «тексте-продолжении» Ю. А. Авакяна, служат для того, чтобы «текст-продолжение» стал наиболее близок к оригиналу и воспринимался читателем как продолжение поэмы «Мертвые души», написанной Н. В. Гоголем.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
2. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов: На материале современного английского языка : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / М. В. Вербицкая ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000. 47 с.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. М. : Правда, 1984. 318 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. М. : Правда, 1984. 528 с.

5. Гоголь Н. В., Авакян Ю. А. Мертвые души, том 2 [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/a/awakjan_j_a/deadsouls2.shtml (дата обращения: 15.07.2019).
6. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
7. Семенова Н. В. Цитата в художественной прозе (На материале произведений В. Набокова): Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 200 с.
8. Фадеева Н. И. Новаторство драматургии А. П. Чехова: пособие по спецкурсу. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. 83 с.
9. Флягина Ю. В. Литературное продолжение как предмет лингвопоэтического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. В. Флягина; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000. 31 с.
10. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris, 1982. 480 p.

**THE “TEXT-CONTINUATION” “DEAD SOULS, VOLUME 2”
BY YU. A. AVAKYAN: THE STYLIZATION
AFTER EXTANT FRAGMENTS OF THE ORIGINAL TEXT**

A. Y. Kudina

Tver State University
the Department of the History and Theory of Literature

The article is devoted to the problem “text-continuations”, which are widely represented in the era of postmodernism. The literary and language game, the irony, and deconstruction are the specific features of the postmodernist text. The research is based on the analysis of intertextual communication of the initial text (extant fragments of “Dead Souls, volume 2” by N. V. Gogol) and of the “text-continuation” (“Dead Souls” by Yu. A. Avakyan) according to the intertextuality theory of G. Genette and the theory of the secondary text introduced by M. V. Verbitskaya.

Keywords: *the general theory of intertext, the secondary text, the “text-continuation”, stylization.*

Об авторе:

КУДИНА Анастасия Юрьевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: kudina555@mail.ru.

About the author:

KUDINA Anastasiya Yurevna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: kudina555@mail.ru.